

АЛЕКСАНДР ПЕРЕПЛЕТКИН*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Ф. В. Й. ШЕЛЛИНГОМ КАНТОВСКОЙ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ В «СИСТЕМЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ИДЕАЛИЗМА»**

Получено: 26.05.2024. Рецензировано: 04.05.2025. Принято: 20.04.2026.

Аннотация: Статья посвящена ядру «Критики чистого разума», трансцендентальной аналитике, в ее интерпретации Шеллингом. В ходе анализа «Системы трансцендентального идеализма» демонстрируется, что систематическое изложение Шеллингом учения Канта не является лишь расстановкой основных моментов в правильном порядке в соответствии с методическим продвижением от безусловного начала системы к полноте его следствий. Шеллинг не только дает кантовским основным определениям трансцендентальной аналитики место в системе как форме, но и вносит значительные содержательные изменения в каждое из них по отдельности. Так, таблица категорий перестраивается Шеллингом в иерархию, где в качестве первоначальных выступают категории отношения. Модальные категории, завершающие эту иерархию, пересматриваются в отношении своего состава, так что отрицательное в них (невозможность, несуществование, случайность) исключается, тогда как у Канта такого исключения мы не находим. Способность суждения в шеллинговской интерпретации является не только соединяющей всеобщее и особенное, но и первоначально разделяющей их, создающей предпосылку для связи. При рассмотрении схематизма Шеллинг проводит феноменологическое прояснение различия между эмпирическим и трансцендентальным схематизмом и обосновывает связь схематизма с языком. Само воображение, осуществляющее схематизм, Шеллинг трактует более широко, нежели Кант, подчеркивая его принципиальное единство с разумом. Опираясь на фихтевское понимание воображения как парения между противоположностями, Шеллинг придает ему системоформирующее значение.

Ключевые слова: Кант, Шеллинг, трансцендентальный идеализм, трансцендентальная аналитика, категории, схематизм, воображение.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-145-167.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Когда Кант в 1804 г. скончался, из числа основателей немецкого идеализма только Шеллинг откликнулся на это печальное событие про-

*Переpletкин Александр Владимирович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), perepletkin.a@hse.ru, ORCID: 0009-0002-2699-9927.

**© Переpletкин, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

никновенным некрологом (Шеллинг, Левина и Михайлов, 1989а: 27–33). Ни Фихте, ни Гегель публично по этому поводу не высказались. Уже одно это обстоятельство свидетельствует об особом отношении Шеллинга к кантовской философии. Название одного из важнейших вышедших при жизни Шеллинга трактатов, «Системы трансцендентального идеализма» (далее — СТИ), ассоциируется в первую очередь с кантовским проектом. Однако две эти философии, носящие название «трансцендентальных», так и не были подробно исследованы в их сходствах и различиях. Подавляющее большинство исследовательской литературы о СТИ фокусируется в основном на следующих трех моментах:

- (1) шестой главный раздел как выражение философского эстетизма Шеллинга;
- (2) СТИ в логике становления мысли Шеллинга, ее внутренней динамике;
- (3) СТИ в сопоставлении с Фихте и Гегелем: как рецепция идей первого и предвосхищение моментов системы последнего.

Сравнение Шеллинга и его трансцендентального идеализма с Кантом также заслуживает внимания, но, к сожалению, до сих пор не было достаточно проработано в исследовательской литературе. Хотя СТИ действительно была написана еще под сильным влиянием Фихте, а наукоучение уже подверглось подробному сравнению с кантовской системой, исследователи показали, что ранний Шеллинг даже в своей трансцендентальной философии был чем-то большим, нежели простой подражатель Фихте (Резвых, 2004; Frank, 1985; Sandkaulen-Bock, 1990). Из этого следует, что все выводы, сделанные в отношении исследований преемственности и переосмысления «Критики чистого разума» (далее — КЧР) в наукоучении Фихте, нельзя просто распространить на соотношение первой «Критики» и СТИ. Желая восполнить эту лауну, мы рассмотрим рецепцию Шеллингом того, что, на наш взгляд, представляет собой основное концептуальное ядро КЧР, а именно трансцендентальной аналитики.

2. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ЛОГИКА В СТИ

Вся СТИ построена на стремлении Я созерцать себя и созерцать свое созерцание, в силу которого Я предпринимает ряд сменяющих друг друга попыток осуществить такой акт, в котором оба названных аспекта совпадали бы. Этот акт осуществляется философом в интеллектуальном созерцании, посредством которого он может, подобно Сократу,

помочь Я, его ученику, вспомнить пройденный им путь (Шеллинг, Левина и Михайлов, 1989b: 471). Однако свое завершение этот путь находит вовсе не в том, что Я становится на точку зрения самого трансцендентального философа, а в эстетическом созерцании. В обоих случаях созерцание и созерцаемое, или, выражаясь более современным языком, акт сознания и сознаваемое, совпадают. Шеллинг обозначает эти два аспекта интеллектуального созерцания соответственно как идеальную/субъективную и реальную/объективную деятельности. Начинается сам этот путь с изначального ощущения, первой попытки самосозерцания, в которой Я созерцает, но все же, не созерцая этого созерцания, воспринимает положенную этим актом границу как собственное ограничение. В следующей попытке достичь самосозерцания это ощущение становится для Я вещью самой по себе. Если у Канта утверждение вещи самой по себе, по крайней мере на первый взгляд, находится в противоречии с его общей установкой на выявление активной роли познающего в процессе познания и может рассматриваться как догматическое допущение, то Шеллинг дает имманентное объяснение возникновения представления о ней.

Используя ту же логику, он дедуцирует различие внутреннего и внешнего чувства, то есть сами пространство и время. Таким образом, предпосылкой для рассмотрения проблематики трансцендентальной логики у Шеллинга служит дедукция основных компонентов трансцендентальной эстетики (понятие об ощущении как материи созерцания и учение о пространстве и времени как априорных формах чувственности). Однако мы сосредоточимся на разборе Шеллингом трансцендентальной аналитики, и первым, что, как правило, вспоминают в связи с ней, является учение о двенадцати категориях, поэтому мы начнем с него.

3. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА: ДАЛЬНЕЙШЕЕ ФУНДИРОВАНИЕ

3.1. АНАЛИТИКА ПОНЯТИЙ: ИЕРАРХИЯ КАТЕГОРИЙ

В отличие от Канта и подобно Фихте, Шеллинг не был удовлетворен использованием таблицы суждений для получения соответствующих им категорий. Дедукция категорий подразумевает здесь уже не доказательство их применимости к предметам опыта, как у Канта, а действительное их выведение, подобное тому, какое предпринимается у Фихте и Гегеля. Специфическое отличие шеллинговской дедукции состоит в том, что основными для него являются категории отношения, тогда

как у Фихте в качестве базовых выступают категории количества (делимость) (Фихте, Яковенко, 1993: 93), а у Гегеля — категории качества (Гегель, Розенталь, 1970: 173). Впрочем, в отношении Фихте имеется и другое существенное расхождение. У Фихте, в отличие от Шеллинга, дедукция в «Основе общего наукоучения» в общем и целом не определена единым механизмом тенденции к самосозерцанию. К тому же Фихте в ходе своей дедукции вводит новые категории, вообще не фигурирующие в кантовской таблице, например категорию взаимосмены (Фихте, Яковенко, 1993: 144). Шеллинг же куда более последовательно придерживается кантовского разделения. Однако в отношении терминологии он осознанно меняет кантовское словоупотребление. Теперь то, что в кантовской классификации было лишь одной группой категорий, а именно категориями отношения, становится само категорией, причем единственной категорией созерцания, объединяющей внутреннее и внешнее чувства (Шеллинг, Левина, 1987а: 390; Schelling, 2005: 217–218). Таким образом, у Шеллинга именно эта группа из кантовской таблицы становится первичной. Все остальные группы вторичны и являются производными. У Канта мы не встречаем такой «вертикальной» иерархии групп категорий, он оперирует только «горизонтальным» различием математических и динамических категорий.

Приоритет, отдаваемый Шеллингом категориям отношения, обосновывается тем, что именно они особым образом связаны с априорными формами чувственности. Объективациям внутреннего и внешнего чувства в Я соответствуют время и пространство. Объект, противоположный субъекту, есть внешнее чувство, определенное внутренним (Шеллинг, Левина, 1987а: 344; Schelling, 2005: 166). Он есть единство пространственно-временного определения. То, что относится лишь ко времени, — акцидентально, что к пространству — субстанциально. Первая категория отношения — субстанция/акциденция — уже есть синтез внутреннего и внешнего чувств. Дедукция следующих категорий осуществляется исходя из того, что Я еще не может воспринимать объект, лишь с определениями субстанции и акциденции, в качестве объекта. Точнее говоря, конструкция его еще не завершена. Категории по своему определению представляют собой для Шеллинга «как» образа действия, порождающего всякий объект¹. Чтобы образ действия был достаточным для объектов, необходимы, как аргументирует Шеллинг, все три категории отношений. Объекта еще нет, если к субстанции/акциденции

¹ Отметим, что у Канта это не порождение, а синтез уже данного.

не присвокуплено причинное отношение, а оно само, в свою очередь, не может быть сконструировано без категории взаимодействия. Общей формой дедукции выступает здесь объективация в созерцании. Причинность есть объективация в созерцании субстанции/акциденции, то есть созерцания низшей потенции в высшей. Взаимодействие же есть, в свою очередь, объективация причинности в новом созерцании. Три первоначальные категории суть именно три потенции продуктивного созерцания. Здесь, в отличие от кантовского изложения, категории предстают едиными с созерцаемыми предметами. Только на стадии рефлексии впервые произойдет их разделение, однако это разделение будет иметь место лишь для сознающего Я.

Шеллинг также указывает на то, что уже у Канта первые две категории каждой группы противоположны, а третья есть их синтез. Он дает этому обстоятельству систематическое объяснение: первые две категории определяет как идеальные факторы, а третью — как реальный фактор в том смысле, что первые две категории не суть нечто самостоятельное, завершенное, и только третья, вбирая в себя две предшествующие, представляет собой нечто завершенное. Поэтому Шеллинг и называет все три кантовские категории отношения просто категорией, подчеркивая их единство. Нетрудно распознать здесь зародыш гегелевского «идеального момента» (Гегель, Розенталь, 1970: 221–223). Стоит также заметить, что прямую аналогию шеллинговскому употреблению термина «категория» в единственном числе для обозначения совокупности категорий мы встречаем позднее в «Феноменологии духа» (Гегель, Шпет, 2000: 123–124).

Общий ход шеллинговской дедукции можно охарактеризовать как демонстрацию того, что отдельный объект, взятый в качестве субстанции/акциденции, не является подлинно самодостаточным, а возможен лишь как часть единого универсума, всеобщего взаимодействия (Шеллинг, Левина, 1987а: 356; Schelling, 2005: 178–179). Субстанция/акциденция отбрасывает нас к причинному отношению между двумя субстанциями, а затем внутри самого этого отношения мы должны признать тотальное взаимодействие всего, что есть. Такая тотальность есть единая субстанция, или природа, в которой всякое отдельное существование является отдельным лишь относительно, а не абсолютно.

Дальнейшие категории возникают в шеллинговской дедукции только на стадии рефлексии, когда интеллигенция отрывается от продуцирования природы и в определенной степени начинает осознавать свою

продуктивность, но осознает ее таким образом, что лишь форма происходит от Я, а материя — все еще от вещей самих по себе. Впрочем, и вышеупомянутое также возникает как бы во второй раз: если рефлексия направляется на объективное в Я, то мы получаем категорию отношения (Шеллинг, Левина, 1987а: 396; Schelling, 2005: 224). Категория количества есть одновременность рефлексии с созерцанием. Одновременность рефлексии и ощущения есть категория качества. Рефлексия, направленная на ощущение, дает нам степень ощущения, то есть позволяет определить его как интенсивную величину, а интенсивная величина предполагает варьируемое по интенсивности качество.

Категории модальности также объясняются через рефлексию, но теперь должен быть рефлексирован не только объект, как в предшествующих категориях, но одновременно и само субъективное. Тем самым Шеллинг фактически воспроизводит идею Канта о том, что для модальности конститутивно отношение к познавательной способности. Интеллигенция, совершая такую рефлексию, получает различные модальные категории в зависимости от того, каким образом рефлексированы субъективное и объективное. Если они рефлексированы как реальная деятельность, возникает категория возможности, если как идеальная — категория действительности. Рефлексировав их как обе деятельности одновременно, интеллигенция получает категорию необходимости. Шеллинг замечает, что если первые две категории имеют в виду положенность во время вообще и в определенное время соответственно², то категория необходимости есть синтез их в положенности во всякое время³ (*in aller Zeit*), где свобода первой и твердая определенность второй едины (*ibid.*). Стоит особо отметить, что тут Шеллинг имеет в виду только положительные понятия из кантовской таблицы категорий. Отрицательные же (невозможность, несуществование, случайность) Шеллинг, в отличие от Канта, вообще не рассматривает как самостоятельные категории: ими объект не определяется даже для рефлексии. Положительные модальные категории завершают свод теоретической философии перед переходом к практической. Можно сказать, что по бытию первичны категории отношения, а по достоинству — именно категории модальности.

²Эти определения точно соответствуют кантовским.

³Предложенный М. И. Левиной перевод выражения *in aller Zeit* как «навсегда» (Шеллинг, Левина, 1987а: 397) затемняет связь формулировки Шеллинга с кантовскими определениями.

Относительно категорий рефлексии Шеллинг делает также много новых замечаний в сравнении с Кантом. Категория единства, абстрагированная от всякого созерцания, есть лишь логическое единство. Чтобы опосредствовать его связь с созерцанием, нужно время.

Связав логическое единство с определением времени, мы получаем число, множество. Шеллинг повторяет мысль Канта о том, что для числа и, соответственно, для арифметики конституитивно время. Получается, что единство не может созерцаться без множества, но ведь и множество не может созерцаться без единства! Таким образом, завершающим созерцанием является целокупность.

Та же процедура проводится и с категориями качества. Без созерцания понятие реальности есть лишь логическая положенность.

Если же я вновь соединяю это понятие с созерцанием пространства, то у меня возникает наполнение пространства, которое, однако, не может быть созерцаемо без наличия степени, то есть величины во времени. Но степень, то есть определение временем, привносится только второй категорией, категорией отрицания. Следовательно, вторая категория и здесь необходима только потому, что благодаря ей первая становится доступной созерцанию, или потому, что она привносит в первую категорию трансцендентальную схему (Шеллинг, Левина, 1987а: 393; Schelling, 2005: 220).

Категория ограничения Шеллингом не комментируется, но общий ход дедукции требует, чтобы категория отрицания становилась созерцаема только через нее. Это определение отсылало бы нас, вероятно, к дедукции ощущения, созерцания себя ограниченным. Отсюда становится понятно, что для правильной оценки шеллинговской дедукции категорий необходимо рассматривать ее в связи с проблематикой соотношения понятия и созерцания, к анализу которой мы теперь и перейдем.

3.2. АНАЛИТИКА ОСНОВОПОЛОЖЕНИЙ: СХЕМАТИЗМ, ВООБРАЖЕНИЕ И ЯЗЫК

Соответствующий раздел кантовской «Трансцендентальной аналитики» начинается с рассмотрения той разновидности способности суждения, которая позже будет названа в третьей «Критике» определяющей (в противовес рефлектирующей). У Шеллинга в теоретической части СТИ в третьей эпохе истории самосознания речь также идет только о ней. В КЧР эта способность определяется как способность подводить некоторое особенное под всеобщее правило. В качестве особенного выступают созерцания, а в качестве всеобщих правил — рассудочные понятия. В кантовской аналитике понятия рассудка рассматриваются как уже наличные. Шеллинг же понимает способность суждения как *Ur-Teil*,

Перво-деление. Иначе говоря, субъект и предикат мыслятся как члены деления, которые впервые только и появляются в качестве отдельных в результате специфического действия рефлексии, которое Шеллинг называет абстракцией. Изначально, считает Шеллинг, и понятие, и объект едины в продуцировании, но, абстрагируя то, что продуцировано, от способа производства продуцированного, мы только впервые и получаем разделение объекта и понятия. Отсюда следует, что вопрос о совпадении их в истинном суждении не представляет собой серьезной проблемы. В суждении они хотя и разделяются в начале через способность к абстракции, но в конце все же должны быть вновь воссоединены (Шеллинг, Левина, 1987а: 394; Schelling, 2005: 221). У Шеллинга, как и у Канта, это осуществляется благодаря схематизму.

Раздел о схематизме в КЧР был посвящен именно связи понятий и чувственных созерцаний (объектов) посредством схем. Как ни странно, кантовское учение о схематизме не оказало большого влияния на раннюю рецепцию кантовской философии. У раннего Фихте и у Гегеля в их учениях не нашлось места для подробного осмысления схематизма, хотя само понятие схемы оба спорадически использовали. Шопенгауэр же и вовсе открыто провозглашал, что этот раздел кантовского изложения бездоказателен и произволен (Шопенгауэр, Айхенвальд, 1999: 380). Только у Шеллинга мы видим его успешно встроенным в общую конструкцию СТИ, а также развитым в дальнейшем в его «Философии искусства». Отметим главные особенности предложенной им интерпретации схематизма чистого рассудка.

Первое и главное отличие шеллинговской версии схематизма от кантовской состоит в том, что для Шеллинга схематизм есть особый вид созерцания, а именно такое созерцание, в котором созерцается понятие как правило для конструкции объектов. Иначе говоря, в этом созерцании мы действительно созерцаем понятия. Схема и есть чувственно созерцаемое правило конструкции объекта (Шеллинг, Левина, 1987а: 380; Schelling, 2005: 206).

Отсюда проистекает и несколько иное понимание соотношения между схемой и образом. Образ всесторонне определен, но схема как раз таковой не является, однако она все же не понятие, а созерцание. Характеристика схемы как чего-то третьего по отношению к созерцанию и понятию сохраняется и у Шеллинга, однако и здесь он идет дальше Канта. Для Канта схематизм есть тайное искусство, приемы (*Handgriffe*) которого никогда нельзя поставить несокрытыми перед нашим взором, хотя они тем не менее конституируют сам наш опыт, так как без

них не было бы опосредованного ими единства понятий и созерцаний (Кант, Лосский, 2006: В181). Таким образом, согласно Канту, схемы находятся для нас как бы в слепом пятне. Для Шеллинга же даже ремесленник (*Künstler*) постоянно пользуется ими на уровне внутреннего созерцания в своей работе по созданию чего-либо. Действительно, ремесленный мастер не работает, мысля нечто всецело абстрактное, всеобщее. Наоборот, в своей работе он как бы постоянно созерцает парадигму, которая есть не только всеобщее, но в определенном отношении также и особенное. Шеллинг полагает, что ремесленник, приступив к работе, начинает с такой схемы, в которой перевешивает всеобщее, но ближе к ее завершению особенное становится преобладающим. Получается, что у ремесленника по мере работы схема все более будет приближаться к образу (Шеллинг, Левина, 1987а: 381; Schelling, 2005: 207). В таком случае сама схема оказывается динамичной (что также не допускалось Кантом), а различие между образом и схемой становится градуальным. Стоит, впрочем, отметить, что такое феноменологическое прояснение используется Шеллингом не для схематизма вообще, но, что ясно из примера, только для схематизма эмпирического, но не для трансцендентального, который связан с категориями.

Однако Шеллинг не ограничивается этими нововведениями. Особого внимания заслуживает его замечание о том, что именно на схематизме «основан весь механизм языка». Чтобы пояснить этот тезис, Шеллинг приводит следующее соображение:

Допустим, например, что некоему совершенно незнакомому со школьными понятиями человеку известны лишь некоторые особи или породы определенного вида животных; однако, увидев животное неизвестной ему породы того же биологического вида, он сразу вынесет суждение, что животное относится к данному виду (Шеллинг, Левина, 1987а: 382; Schelling, 2005: 207–208).

В самом деле, даже не имея научной дефиниции собаки, любой, кто видел ранее овчарок, спаниелей, далматинцев и т. п., с большой вероятностью сможет отнести самостоятельно к тому же виду и пуделя, даже если увидит его впервые. Действительно, созерцая некоторое новое для нас особенное и давая ему имя, мы не даем этому имени сразу понятийную дефиницию, но пытаемся как бы освободить само это особенное от его особенности и перейти ко всеобщности. Именно поэтому детям не нужно знать дефиницию слова «собака» для того, чтобы, однажды увидев одну, узнавать почти безошибочно далее и всех остальных. Тут свою роль играет именно схематизм, позволяющий сочетать особенность

и всеобщность. Само различение родов и видов в животном царстве не основывается на случайных языковых играх, но в своей собственной структуре следует именно тому, как мы схематизируем особенное ради возвышения его до всеобщего.

Применение учения об изначальном схематизме к изучению структуры языков, древнейших воззрений на природу, следы которых дошли до нас в мифологиях древних народов, наконец, к критике научного языка, почти все термины которого свидетельствуют о своем происхождении из схематизма, показало бы, какое всеобъемлющее значение этот метод имеет во всех областях человеческого духа (Шеллинг, Левина, 1987а: 382; Schelling, 2005: 208).

То, что Шеллинг связывает схематизм с языком, представляет собой нечто существенно новое в сравнении с Кантом. Если же учитывать, что схематизм тесно связан с временем, то получается, что Шеллинг намечает также и связь времени с языком. Эта связь останется значимой для Шеллинга также и после СТИ (Резвых, 2013: 17). Наряду с эмпирическим схематизмом Шеллинг, подобно Канту, выделяет и трансцендентальный схематизм. Трансцендентальная абстракция, изолирующая друг от друга созерцание и понятие как таковые, относится к суждению как Перво-делению, однако разделенное также должно быть соединено, и в этом соединении сам акт абстракции растворяется (Линьков, 1973: 38). Если эмпирическая схема есть чувственно созерцаемое правило продуцирования определенного объекта, то трансцендентальная схема — правило продуцирования объекта вообще.

То, что соединяется трансцендентальным схематизмом, изначально разделяется трансцендентальной абстракцией, в которой созерцание как таковое отделяется от понятия вообще. Само понятие «трансцендентальная абстракция» возникло, вероятно, в результате интерпретации трансцендентальной рефлексии из КЧР, благодаря которой представления различаются в соответствии с их трансцендентальной топикой, то есть в зависимости от отнесенности их к чувственности или к рассудку (Кант, Лосский, 2006: В318–319). У Шеллинга в СТИ трансцендентальная рефлексия в кантовском понимании не может иметь места по той причине, что между понятием и созерцанием, как уже говорилось, нет радикального различия (на этом же основании мы не встречаем в СТИ и понятия амфиболии). Однако изначальное отсутствие такого различия не мешает трансцендентальной абстракции разводить понятие

и созерцание в разные стороны. В их полной разделенности становится возможным рефлексировать на одной стороне пространство (но не время), а на другой — чистую определенность в форме категорий.

Соединение же пространственных характеристик и категориальных определений есть дело схематизма. Поскольку в схеме мы имеем сам момент правила как такового, это созерцание внутреннее, а поскольку речь идет именно об объекте — внешнее. Таким образом, схематизм находится на границе внутреннего и внешнего и опосредует их связь. Но разве не занимает такое же срединное положение и время? Ведь время также распространяется и на внешнее созерцание, и на внутреннее, поэтому оно способно служить трансцендентальной схемой: «из свойства времени служить трансцендентальной схемой явствует, что оно не есть просто понятие, ни абстрагирующее эмпирически, ни абстрагируемое трансцендентально» (Шеллинг, Левина, 1987а: 390; Schelling, 2005: 217). У Канта трансцендентальные схемы суть априорные определения времени (Кант, Лосский, 2006: В185), в этом отношении Шеллинг не слишком сильно отличается от него.

Примечательно также и то, что в разделе о схематизме в СТИ эксплицитно не фигурирует способность воображения, посредством которой у Канта только и осуществлялся схематизм. Шеллинг сосредотачивает внимание на времени как на самой трансцендентальной схеме, в то время как у Канта акцент был на том, что схема является продуктом воображения, которое и определяет время *a priori* (там же: В179). Целесообразно теперь перейти к рассмотрению способности воображения. Именно поэтому мы поместили его в аналитику основоположений, хотя в изложении КЧР воображение впервые появляется уже в аналитике понятий.

3.3. СПОСОБНОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ

Об особом значении способности воображения для кантовской систематики познавательных способностей написан целый ряд работ (Нотманн, 1970; Mörchen, 2010; Wunsch, 2012). Некоторые исследователи даже выдвигали тезис о том, что она является общим корнем чувственности и рассудка. Сам Кант ничего подобного открыто не утверждал и даже колебался в отношении того, всякий ли синтез осуществляется этой способностью (Длугач, 2010: 195). То же самое мы встречаем и у раннего Шеллинга (Magx, Nenon, 1984: 50). Важным источником шеллинговской интерпретации воображения служит развитое Фихте

представление о воображении как парении между двумя противоположностями (Фихте, Яковенко, 1993: 287). По мысли Шеллинга, чтобы ощущающий стал для себя в качестве такового объективным, нужна третья синтезирующая деятельность, которая бы объективировала как объективную, так и субъективную деятельность. В отношении субъективной деятельности такая новая деятельность, которая как бы помещается между ней и соответствующей ей объективной, являлась бы также субъективной, но субъективной в высшей потенции. Эта новая субъективная деятельность также может стать объективной в еще более потенцированной попытке самосозерцания. Особенность объективации каждой новой потенции всегда будет определяться тем, что субъективное, являясь на низшей ступени бессознательным, на высшей ступени становится сознательным. Иначе говоря, сознательное и бессознательное низшего уровня на высшем уровне синтезируются в некую сознательную объективность. Как можно понять, переосмысленный таким образом синтез будет иметь своей предпосылкой не абстрактное многообразное, как у Канта, а именно противоположности.

Синтезирующая третья деятельность, или воображение, есть не только способность связывания, но и вообще условие того, что Я продолжает попытку самосозерцания, не совпадая с собой, что и является осуществлением абсолютного синтеза. Можно сказать, что в версии Шеллинга воображение как продуктивное действительно порождает реальное содержание (материю опыта), чего мы не встречаем у Канта. Если эта способность настолько важна, то неудивительно, что у Шеллинга система получает свое завершение в искусстве, причем, в отличие от наукоучения Фихте, на этом уровне субъективное и объективное наконец совпадают (Лазарев, 1990: 57). Шеллинг даже называет эстетическое созерцание «эстетическим актом воображения» (Шеллинг, Левина, 1987а: 242; Schelling, 2005: 41). Схематизм в СТИ также должен осуществляться воображением, именно в работе схематизма наиболее явно проявляется специфика воображения. Через схематизм созерцание и понятие соединяются, но всякое соединение имеет своим условием изначальное единство. Воображение парит между этими противоположностями, оно как раз и есть упомянутое необходимое единство. В отношении третьей деятельности, о которой уже было сказано выше, Шеллинг эксплицитно употребляет то же выражение «парит между» (*ist schwebend zwischen*) в отношении к двум противоположным деятельности (Шеллинг, Левина, 1987а: 303; Schelling, 2005: 115), которое

фигурирует и в определении воображения у Фихте (Фихте, Яковенко, 1993: 210). Однако эксплицитно у Шеллинга само воображение в контексте схематизма не упоминается.

В «Философских письмах о догматизме и критицизме» Шеллинг открыто высказывает похвалу кантовскому подходу к воображению (Шеллинг, Левина, 1987b: 80; Schelling, 1982: 102). Там же он делает важное замечание о воображении, получающее впоследствии существенное значение уже в рамках СТИ: воображение есть объединяющее промежуточное звено между теоретическим и практическим разумом. В контексте разворачиваемой в СТИ концепции трансцендентальной истории это должно означать, что именно воображением осуществляется *переход* от теоретической части к практической, что Шеллинг и утверждает, добавляя также, что воображение «парит между конечностью и бесконечностью» (Шеллинг, Левина, 1987a: 425; Schelling, 2005: 256). Так как новая способность не может возникнуть лишь ради этого перехода и уже должна была быть в действии, по крайней мере в схематизме, то можно утверждать, что «душой» предшествующего и последующего движения самосозерцания является именно воображение как третья синтезирующая деятельность.

Однако Шеллинг специфицирует представление о воображении как о парении между конечностью и бесконечностью. В практической части СТИ способность воображения производит нечто, таким же образом парящее между конечностью и бесконечностью, а именно идею. «Воображение являет собой в этом парении не рассудок, а разум, и, с другой стороны, то, что обычно называют теоретическим разумом, есть не что иное, как воображение на службе свободы» (Шеллинг, Левина, 1987a: 425; Schelling, 2005: 257). Уже в более ранней работе Шеллинга имеются аналогичные высказывания, направленные против отождествления Я и воображения; уже здесь способность воображения определяется как способность к идеям, то есть как сам теоретический разум, а нахождение его на службе у свободы рассматривается как служба практическому разуму (Schelling, 1988: 158). Если Шеллинг рассматривает здесь теоретический разум как находящийся на службе у практического, то это должно означать их нетождественность и перевес практического, как это имело место и у Фихте. Однако Шеллинг предлагает интерпретацию воображения, существенно отличную не только от кантовской, но и от фихтевской, поскольку в практической философии Фихте теоретический разум, подчиненный практическому, напротив, совершенно лишен воображения (Фихте, Яковенко, 1993: 240).

В свете изложенных соображений представляется странным, что Шеллинг эксплицитно говорит о воображении гораздо меньше, чем следовало бы ожидать. Это наблюдение имеет силу не только для СТИ, но и для «Изложения моей системы философии»: хотя исследователи уже обращали внимание на существенную роль воображения в систематике этого трактата (Summerell, 2004), эксплицитно оно упоминается в аспекте своей существенности лишь в одном-единственном рукописном примечании (Шеллинг, Иваненко, 2014: 104; Schelling, 2009: 162), содержащемся в личном экземпляре Шеллинга.

Иначе обстоит дело в «Философии искусства», где воображение определяется как «способность, посредством которой идеальное есть в то же время и реальное» (Шеллинг, Попов, 1966: 85). Иначе говоря, в «Философии искусства» именно воображение воссоединяет идеальное и реальное. Здесь же Шеллинг открыто утверждает, что схематизм — дело способности воображения (там же: 108).

Самой значительной формулировкой СТИ, где Шеллинг более или менее ясно высказывается об отношении воображения и всей теоретической философии в совокупности, является всего один пассаж из шестого главного раздела: «то, что по ту сторону сознания является нам как действительный мир, а по эту сторону сознания — как идеальный мир или мир искусства, — продукты одной и той же деятельности» (Шеллинг, Левина, 1987а: 483; Schelling, 2005: 327). Здесь, как нетрудно видеть, речь вновь идет о третьей деятельности, парящей между двумя противоположными.

Стоит заметить, что Гегель, состоявший в те годы в тесном общении с Шеллингом, впоследствии в своих «Лекциях по истории философии» куда более явно, чем сам Шеллинг, указывал на существенную роль воображения в СТИ: «интеллектуальное созерцание (у Шеллинга. — А. П.) есть фихтевская сила воображения, оставшаяся в неопределенном положении (*das Schweben*) между двумя направлениями» (Гегель, Столпнер, 1994: 546). Сам Шеллинг прямо этого не заявлял, однако высказывание Гегеля вполне соответствует логике шеллинговского построения. Неопределенность здесь подразумевает парение между субъективным и объективным, основное определение третьей синтезирующей деятельности. Сам Фихте в «Основе общего наукоучения», как бы в параллель к шеллинговскому требованию интеллектуального созерцания, утверждал, что наукоучение не может быть понято без способности воображения (Фихте, Яковенко, 1993: 287). Воображение в таком прочтении оказывается тесно связано с трансцендентальным

единством апперцепции. Его статус, однако, все равно остается проблематичным. Поздний Шеллинг сравнивает Я у Фихте с освобожденной от материального момента познания версией этого единства, которая была возведена в абсолютный принцип (Шеллинг, Левина и Михайлов, 1989b: 466). У Канта апперцепция, как представление «Я мыслю», была бессодержательна, то есть не содержала никакого многообразия (Кант, Лосский, 2006: В135). У Шеллинга же сама сфера самосознания всегда имеет характер двойственности, который с необходимостью определяет «Я мыслю». Шеллинг подчеркивает, что «Я мыслю» имеет определенность, содержание именно в силу того, что оно есть для иного. Это иное есть вообще объективность, к которой, следовательно, имеется некоторое отношение. Тогда «Я мыслю» есть изначально субъективная деятельность, но именно как субъективная вообще. Сама субъективная деятельность всегда имеет определенный образ действия (в себе сущее понятие), однако лишь постольку, поскольку она есть вообще деятельность, имеющая перед собой некий объект, она есть «Я мыслю», чистая апперцепция. Это соображение указывает на нераздельность кантовских субъективного и объективного единств апперцепции (ср. там же: В139). При этом у Шеллинга субъективное определение все же имеет перевес, так как новая потенция возникает в Я из-за стремления к самосозерцанию, так что логически первым здесь выступает именно субъективное: «объективное есть лишь ставшее объектом субъективное» (Шеллинг, Левина, 1987a: 432; Schelling, 2005: 264). В целом можно сказать, что «Я мыслю» всегда есть «как бы неразложимый остаток интеллектуального созерцания (которое есть само Я), не вмещающегося ни в какую конечную форму» (Резвых, 2009: 385).

3.4. ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ЧИСТОГО РАССУДКА

Поскольку основоположения образуют у Канта канон для способности суждения, они более подходят для критического, а не для систематического изложения. Поэтому неудивительно, что Шеллинг в СТИ не рассматривает их отдельно в качестве особых синтетических суждений *a priori*, как это имеет место у Канта. Несмотря на это, можно указать на ряд аспектов шеллинговского изложения, свидетельствующих о том, что он не только имплицитно принимает кантовские основоположения, но и дает им новое обоснование.

Так, обе группы математических основоположений, аксиомы созерцания и антиципации восприятия, получают у Шеллинга свое общее обоснование в соотношении друг с другом в рамках обоснования самой

необходимой противоположности между экстенсивными и интенсивными величинами⁴.

Я как внутреннее чувство трактуется им как чистая интенсивность, а противопоставляемое ему внешнее чувство, как отрицание ее, — как чистая экстенсивность (Шеллинг, Левина, 1987а: 343; Schelling, 2005: 164). Первое есть абсолютная граница, точка, как время, а второе, как отрицание первого, — бесконечное пространство. Объект же есть объединение внешнего и внутреннего чувств, единство экстенсивного и интенсивного. В целом это соответствует кантовским определениям, отличие состоит лишь в том, что к времени прилагается определение точки, а не линии. Шеллинг полагает, что только синтез пространства и времени есть линия (Шеллинг, Левина, 1987а: 344; Schelling, 2005: 166). Основанием для этого утверждения служит то, что он считает интенсивность обратно пропорциональной экстенсивности (Шеллинг, Левина, 1987а: 393; Schelling, 2005: 220). Экстенсивность стремится в бесконечность, она центробежна, интенсивность же центростремительна. В конкретном их взаимодействии они друг друга ограничивают, но время как чистая интенсивность без экстенсивности всегда уже будет точкой.

Утверждение, что всякое внешнее созерцание есть экстенсивная величина, становится возможным именно благодаря тому, что пространство является чистой экстенсивностью. Кроме того, Шеллинг отмечает, что разделение пространства и времени в Я параллельно разделению субстанции и акциденции в объекте.

Единство этих противоположностей определяется как сила, или как экстенсивность, определенная интенсивностью (Шеллинг, Левина, 1987а: 344; Schelling, 2005: 166). Шеллинг отмечает, что «интенсивность силы может быть измерена только пространством, на которое она может распространиться, не становясь равна о. И обратно, это пространство определяется для внутреннего чувства величиной этой силы» (Шеллинг, Левина, 1987а: 345; Schelling, 2005: 166). Кроме того, всякое наполнение времени может быть лишь в пространстве, а само время может быть фиксировано лишь чем-то пространственным, пребывающими объектами в пространстве вне меня (Шеллинг, Левина, 1987а: 428; Schelling, 2005:

⁴Отметим, что аксиомы созерцания, имеющие своим принципом положение «все созерцания суть экстенсивные величины», играют важную роль и в развиваемой в СТИ интерпретации трансцендентальной диалектики, в частности в шеллинговской трактовке первой антиномии. Однако, поскольку настоящее исследование сосредоточено на интерпретации Шеллингом трансцендентальной аналитики, мы ограничиваемся здесь только анализом его обоснования аксиом созерцания и не рассматриваем их применение.

260). Нетрудно распознать в этой формулировке Шеллинга основную посылку кантовского опровержения идеализма: «Всякое определение времени имеет своей предпосылкой что-то постоянное в восприятии» (Кант, Лосский, 2006: В275). В предпринимаемом Шеллингом систематическом изложении эта связь не тематизируется эксплицитно, судя по всему, на том основании, что в опровержении идеализма в кантовском смысле здесь нет нужды: в рамках СТИ в ходе изложения первой эпохи истории самосознания уже были объяснены как необходимость вещи самой по себе в качестве представления, так и сам генезис разделения на внутреннее и внешнее чувства.

Подобно математическим основоположениям, аналогии опыта (первая группа динамических основоположений) хотя и не отделяются в шеллинговском рассмотрении от соответствующих категорий, но все же получают определение относительно друг друга: так как завершенной является категория взаимодействия, а две первые суть лишь ее моменты, то аналогичную структуру мы получаем и на уровне основоположений: все три синтетические суждения *a priori* едины. Кант выразил это единство в их общем принципе: «опыт возможен только посредством представления о необходимой связи восприятий» (там же: В218). Шеллинг расширяет этот принцип: необходима не только связь восприятий, но также и связь внутри трех типов связей: субстанциальность/акцидентальность мыслится благодаря причинности, а последняя, в свою очередь, благодаря взаимодействию.

Что же касается постулатов эмпирического мышления вообще, которые, как и другие основоположения, рассматриваются в рамках дедукции соответствующих категорий (категорий модальности), то, хотя Шеллинг уделил меньше всего внимания содержательному анализу их самих, но существенно переосмыслил их место в системе функций самосознания. Важнейшей его новацией в трактовке модальностей является то, что эти категории завершают свод теоретической философии и маркируют переход от нее к практической философии (Шеллинг, Левина, 1987а: 397; Schelling, 2005: 225). В связи с этим обнаруживается важность практического определения постулатов, связанных с модальностями. В работе, предшествующей публикации СТИ, Шеллинг уже формулировал свое понимание постулатов, о котором мы упоминали выше в связи с постулируемостью интеллектуального созерцания: они всегда суть единство теоретического и практического (Schelling, 1988: 144). Практические постулаты «Критики практического разума» имеют вместе с тем

и некоторое требуемое теоретическое содержание, а теоретические постулаты эмпирического мышления вообще, особенно если связать их с концепцией регулятивности, имеют в себе также и практический момент.

Исходя из того, что для самого Канта система основоположений чистого рассудка имела значение для определения метафизических начал естествознания (Кант, Лосский, 2006: В198), мы имеем основания соотносить основоположения чистого рассудка также и с натурфилософскими частями дедукции, представленной Шеллингом в СТИ. В отличие от весьма скудного представления о природе у Фихте (Jähnig, 1966: 152–153), Шеллинг даже в трансцендентальный идеализм включает динамические силы и концепцию организации, подтверждая идею параллелизма трансцендентальной философии и натурфилософии. Тем самым у Шеллинга, как и у Канта, на базе правил применения категорий даются начала того, что Кант называл метафизикой природы; однако то, что Кант мыслил в третьей критике в модусе «как если бы», у Шеллинга становится предметом теоретического знания (ibid.: 107).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный анализ основных особенностей интерпретации Шеллингом кантовской трансцендентальной аналитики показывает, что Шеллинг не только перенимает значительную часть кантовских определений, внося в них новые моменты, но и встраивает их в общую систему — систему трансцендентального идеализма. Система эта задумывалась Шеллингом как объединение всех трех критических работ Канта и более последовательное их изложение. Решение этой задачи потребовало не просто перестановки составных частей кантовского изложения в «правильном» порядке, но и содержательной их переработки. В частности, как мы выяснили, схематизм получил в шеллинговском трансцендентальном идеализме свое феноменологическое прояснение, благодаря которому была выявлена его связь с языком, а категории отношения сделались первичными в отношении всех других. Дальнейший философский путь Шеллинга во многом будет определяться тем, что было достигнуто именно в этой работе.

ЛИТЕРАТУРА

- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. Учение о бытии / пер. с нем., под ред. М. М. Розенталя. — М. : Мысль, 1970.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. В 3 т. Т. 3 / пер. с нем. Б. Г. Столшнера. — СПб. : Наука, 1994.

- Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. — М. : Наука, 2000.
- Длугач Т. Б.* От Канта к Фихте : сравнительно-исторический анализ. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010.
- Кант И.* Критика чистого разума : 2-е издание (В), 1787 / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Т. Б. Длугач, Б. Тушлинга, У. Фогеля ; пер. с нем. Н. О. Лосского. — М. : Наука, 2006.
- Лазарев В. В.* Философия раннего и позднего Шеллинга / под ред. Т. И. Ойзермана. — М. : Наука, 1990.
- Линьков Е. С.* Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. — Л. : ЛГУ, 1973.
- Резвык П. В.* Ранний Шеллинг и Кант : поиски безусловного // Историко-философский ежегодник. — 2004. — С. 250–278.
- Резвык П. В.* Генетизация трансцендентального идеала в «Системе трансцендентального идеализма» Ф. В. Й. Шеллинга // Сущность и слово : сборник научных статей к юбилею профессора Н. В. Мотрошиловой / под ред. М. А. Солопова, М. Ф. Быкова. — М. : Феноменология-Герменевтика, 2009. — С. 377–401.
- Резвык П. В.* Свобода и предикация в творчестве Ф. В. Й. Шеллинга 1800–1810-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2013. — № 1. — С. 6–18.
- Фихте И. Г.* Основа общего наукоучения / пер. с нем. Б. В. Яковенко // Сочинения. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Мифрил, 1993. — С. 65–337.
- Шеллинг Ф. В. Й.* Философия искусства / под ред. М. Ф. Овсянникова ; пер. с нем. П. С. Попова. — М. : Мысль, 1966.
- Шеллинг Ф. В. Й.* Система трансцендентального идеализма / пер. с нем. М. И. Левиной // Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Мысль, 1987а. — С. 227–489.
- Шеллинг Ф. В. Й.* Философские письма о догматизме и критицизме / пер. с нем. М. И. Левиной // Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Мысль, 1987б. — С. 39–88.
- Шеллинг Ф. В. Й.* Иммануил Кант / пер. с нем. М. И. Левиной, А. В. Михайлова // Сочинения. В 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Мысль, 1989а. — С. 27–33.
- Шеллинг Ф. В. Й.* К истории новой философии : (Мюнхенские лекции) / пер. с нем. М. И. Левиной, А. В. Михайлова // Сочинения. В 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Мысль, 1989б. — С. 387–560.
- Шеллинг Ф. В. Й.* Изложение моей системы философии / пер. с нем. А. А. Иваненко. — СПб. : Наука, 2014.
- Шопенгауэр А.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : ТЕРРА-Книжный клуб, Республика, 1999.
- Frank M.* Eine Einführung in Schellings Philosophie. — Frankfurt : Suhrkamp, 1985.

- Homann K.* Zum Begriff Einbildungskraft Nach Kant // Archiv für Begriffsgeschichte. — 1970. — Jg. 14. — S. 266–302.
- Jähmig D.* Schelling. Die Kunst in der Philosophie. Bd. 1. Schellings Begründung von Natur und Geschichte. — Pfullingen : Neske, 1966.
- Marx W.* The Philosophy of F. W. J. Schelling : History, System, and Freedom / trans. from the German by T. Nenon. — Bloomington : Indiana University Press, 1984.
- Mörchen H.* Die Einbildungskraft bei Kant. — 2. Aufl. — Berlin : Walter de Gruyter, 2010.
- Sandkaulen-Bock B.* Ausgang vom Unbedingten : Über den Anfang in der Philosophie Schellings. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.
- Schelling F. W. J.* Philosophische Briefe über Dogmatismus und Kritizismus // Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke. In 24 Bde. Bd. 3 / hrsg. von H. Buchner, W. G. Jacobs, A. Pieper. — Stuttgart : Frommann-Holzboog, 1982. — S. 47–112.
- Schelling F. W. J.* Allgemeine Übersicht (1797–1798) // Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke. In 24 Bde. Bd. 4 / hrsg. von W. G. Jacobs, W. Schieche. — Stuttgart : Frommann-Holzboog, 1988. — S. 57–190.
- Schelling F. W. J.* System des Transzendentalen Idealismus // Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke. In 24 Bde. Bd. 9 / hrsg. von H. Buchner, W. G. Jacobs, A. Pieper. — Stuttgart : Frommann-Holzboog, 2005. — S. 23–335.
- Schelling F. W. J.* Darstellung meines Systems der Philosophie // Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke. In 24 Bde. Bd. 10 / hrsg. von M. Durner. — Stuttgart : Frommann-Holzboog, 2009. — S. 107–211.
- Summerell O. F.* The Theory of the Imagination in Schelling's Philosophy of Identity // Idealistic Studies. — 2004. — Vol. 34, no. 1. — P. 85–98.
- Wunsch M.* Einbildungskraft und Erfahrung bei Kant. — Berlin : Walter de Gruyter, 2012.

Perepletkin, A. V. 2026. "Interpretatsiya F. V. Y. Shellingom kantovskoy transtsendental'noy analitiki v 'Sisteme transtsendental'nogo idealizma' [F. W. J. Schelling's Interpretation of Kant's Transcendental Analytic in 'System of Transcendental Idealism']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (2), 145–167.

ALEKSANDR PEREPLETKIN

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0002-2699-9927

F. W. J. SCHELLING'S INTERPRETATION OF KANT'S TRANSCENDENTAL ANALYTIC IN "SYSTEM OF TRANSCENDENTAL IDEALISM"

Submitted: May 26, 2024. Reviewed: May 04, 2025. Accepted: Apr. 20, 2026.

Abstract: The article is dedicated to the core of *Critique of Pure Reason*, the Transcendental Analytic as it is interpreted by Schelling. Through an analysis of *System of Transcendental Idealism*, it is shown that Schelling's systematic presentation of Kant's doctrine is not merely a reordering of its main elements in accordance with the methodical progression from the unconditional beginning of the system to the completeness of its consequences. Schelling not only assigns the fundamental definitions of Kant's Transcendental Analytic their proper place within the system as a form but also introduces significant substantive modifications to each of them individually. Thus, Kant's table of categories is restructured by Schelling into a hierarchy in which the categories of relation are granted primary status. The modal categories, which conclude this hierarchy, are revised in terms of their composition: the negative aspect (impossibility, nonexistence, contingency) is excluded, something that Kant himself does not do. In Schelling's interpretation, the power of judgment not only synthesizes the universal and the particular but initially separates them, thereby creating the very condition for their synthesis. In his treatment of schematism, Schelling offers a phenomenological clarification of the distinction between empirical and transcendental schematism and grounds the connection between schematism and language. The power of imagination, which performs schematism, is interpreted more broadly by Schelling than by Kant and to such an extent that even reason can no longer be regarded as something different from imagination. Drawing on Fichte's conception of imagination as an oscillation between the opposites, Schelling assigns to it a system-constituting role.

Keywords: Kant, Schelling, Transcendental Idealism, Transcendental Analytic, Categories, Schematism, Imagination.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-145-167.

REFERENCES

- Dlugach, T. B. 2010. *Ot Kanta k Fikhte [From Kant to Fichte]: sravnitel'no-istoricheskiy analiz [A Comparative Historical Analysis]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kanon+ / ROOI "Reabilitatsiya".
- Fichte, J. G. 1993. *Osnova obshchego naukoucheniya [Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, trans. from the German by B. V. Yakovenko, 65–337. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Mifril.

- Frank, M. 1985. *Eine Einführung in Schellings Philosophie* [in German]. Frankfurt: Suhrkamp.
- Hegel, G. W. F. 1970. *Ucheniye o bytii [Die Lehre vom Sein]* [in Russian]. Vol. 1 of *Nauka logiki [Die Wissenschaft der Logik]*, ed. and trans. from the German by M. M. Rozental'. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1994. [in Russian]. Vol. 3 of *Lektsii po istorii filosofii [Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte]*, trans. from the German by B. G. Stolpner. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2000. *Fenomenologiya dukha [Phänomenologie des Geistes]* [in Russian]. Trans. from the German by G. G. Shpet. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Homann, K. 1970. "Zum Begriff Einbildungskraft Nach Kant" [in German]. *Archiv für Begriffsgeschichte* 14:266–302.
- Jähnig, D. 1966. *Schellings Begründung von Natur und Geschichte* [in German]. Vol. 1 of *Schelling. Die Kunst in der Philosophie*. Pfullingen: Neske.
- Kant, I. 2006. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]: 2-ye izdaniye (B), 1787 [Zweite Auflage von 1787]* [in Russian]. Ed. by N. V. Motroshilova, T. B. Dlugach, B. Tushling, and U. Pogel'. Trans. from the German by N. O. Losskiy. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lazarev, V. V. 1990. *Filosofiya rannego i pozdnego Shellinga [The Philosophy of Early and Late Schelling]* [in Russian]. Ed. by T. I. Oyzerman. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Lin'kov, Ye. S. 1973. *Dialektika sub'yekta i ob'yekta v filosofii Shellinga [Dialectics of Subject and Object in Schelling's Philosophy]* [in Russian]. Leningrad: LGU [Leningrad State University Publishing House].
- Marx, W. 1984. *The Philosophy of F. W. J. Schelling [Schelling]: History, System, and Freedom [Geschichte, System, Freiheit]*. Trans. from the German by T. Nenon. Bloomington: Indiana University Press.
- Mörchen, H. 2010. *Die Einbildungskraft bei Kant* [in German]. 2nd ed. Berlin: Walter de Gruyter.
- Rezyvykh, P. V. 2004. "Ranniy Shelling i Kant [Early Schelling and Kant]: poiski bezuslovnogo [The Search for the Unconditioned]" [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik [Historical and Philosophical Yearbook]*, 250–278.
- . 2009. "Genetizatsiya transtsendental'nogo ideala v 'Sisteme transtsendental'nogo idealizma' F. V. Y. Shellinga [Genetization of the Transcendental Ideal in F. W. J. Schelling's 'System of Transcendental Idealism']" [in Russian]. In *Sushchnost' i slovo [Essence and Word]: sbornik nauchnykh statey k yubileyu professora N. V. Motroshilovoy [Collection of Scientific Articles for the Anniversary of Professor N. V. Motroshilova]*, ed. by M. A. Solopov and M. F. Bykov, 377–401. Moskva [Moscow]: Fenomenologiya-Germenevtika [Phenomenology-Hermeneutics].
- . 2013. "Svoboda i predikatsiya v tvorchestve F. V. Y. Shellinga 1800–1810-kh gg. [Freedom and Predication in works of F. W. J. Schelling in 1800–1810s]" [in Russian]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya [RUDN Journal of Philosophy]*, no. 1, 6–18.
- Sandkaulen-Bock, B. 1990. *Ausgang vom Unbedingten: Über den Anfang in der Philosophie Schellings* [in German]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Schelling, F. W. J. 1966. *Filosofiya iskusstva [Philosophie der Kunst]* [in Russian]. Ed. by M. F. Ovsyannikov. Trans. from the German by P. S. Popov. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1982. *Philosophische Briefe über Dogmatismus und Kritizismus* [in German]. In vol. 3 of *Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke*, ed. by H. Buchner, W. G. Jacobs, and A. Pieper, 47–112. 24 vols. Stuttgart: Frommann-Holzboog.

- . 1987a. [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1987b. *Filosofskiy pis'ma o dogmatizme i krititsizme [Philosophische Briefe über Dogmatismus und Kritizismus]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by M. I. Levina, 39–88. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1987c. *Sistema transtsendental'nogo idealizma [System des transcendentalen Idealismus]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by M. I. Levina, 227–489. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1988. *Allgemeine Übersicht (1797–1798)* [in German]. In vol. 4 of *Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke*, ed. by W. G. Jacobs and W. Schieche, 57–190. 24 vols. Stuttgart: Frommann-Holzboog.
- . 1989a. [in Russian]. Vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1989b. “Immanuil Kant [Immanuel Kant]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by M. I. Levina and A. V. Mikhaylov, 27–33. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1989c. “K istorii novoy filosofii [Zur Geschichte der Neuen Philosophie]: (Myunkhenskiye lektzii) [(Münchner Vorlesungen)]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by M. I. Levina and A. V. Mikhaylov, 387–560. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 2005. *System des Transzendentalen Idealismus* [in German]. In vol. 9 of *Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke*, ed. by H. Buchner, W. G. Jacobs, and A. Pieper, 23–335. 24 vols. Stuttgart: Frommann-Holzboog.
- . 2009. *Darstellung meines Systems der Philosophie* [in German]. In vol. 10 of *Historisch-kritische Ausgabe. Reihe 1: Werke*, ed. by M. Durner, 107–211. 24 vols. Stuttgart: Frommann-Holzboog.
- . 2014. *Izlozheniye moyey sistemy filosofii [Darstellung des Systems meiner Philosophie]* [in Russian]. Trans. from the German by A. A. Ivanenko. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Schopenhauer, A. 1999. *Mir kak volya i predstavleniye [Die Welt als Wille und Vorstellung]* [in Russian]. Vol. 1 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, trans. from the German by Yu. I. Aykhenval'd. 6 vols. Moskva [Moscow]: TERRA-Knizhnyy klub / Respublika.
- Summerell, O. F. 2004. “The Theory of the Imagination in Schelling's Philosophy of Identity.” *Idealistic Studies* 34 (1): 85–98.
- Wunsch, M. 2012. *Einbildungskraft und Erfahrung bei Kant* [in German]. Berlin: Walter de Gruyter.